А. С.

К характеристике идеологии современной социал-демократии.

(Статья третья).

«Хозяйственная демократия» и политическая демократия.

Социал-демократы, подменившие борьбу за социализм «хозяйственно-демократическим» «движением» в рамках капитализма, рассматривают «хозяйственную демократию» как политику, рассчитанную на столетия.

Вот что, напр., пишет по поводу перспектив «хозяйственной демократии» один из крупнейших с.-д. теоретиков профдвижения, редактор «Gewerkschaftsarchiv'a», Карл Цвинг [1]).

> «Подобно тому, как в политике, где ноябрь 1918 года завершил в упорных боях длящееся *столетиями* развитие к *политическому* равноправию,—*подобно этому* осуществление равноправия в области *хозяйства* требует также длительного исторического развития. Мы стоим, как мы увидим позже, только в *начале* этого развития».

Итак, «мы» стоим «в начале» процесса развития «хозяйственной демократии», который, подобно процессу развития политической демократии, считается *столетиями*.

Это сказано, по крайней мере, ясно. Вместо общих, неопределенных рассуждений о незрелости общества для социализма, Карл Цвинг говорит совершенно определенно и конкретно: *ряд столетий* пролетариат должен терпеть капитализм, пока не наступит пора полного осуществления «хозяйственного равноправия».

Но в чем же будут заключаться эти отношения «хозяйственного равноправия»? Будут ли они фундированы обобществлением экспроприированных у капиталистов средств производства?

В решении этого вопроса социал-демократия пережила весьма любопытную эволюцию. Прежде всего, она сошла с рельс марксовой постановки вопроса. «Экспроприации экспроприаторов» она *противопоставила* эволюционную «социализацию».

Какие иллюзии связаны у идеологов социал-демократии с «социализацией», можно видеть из следующего выступления с.-д. профессора Erik'a Nölting'a на Гейдельбергском с'езде партии (1925 г.» по докладу Гильфердинга о партийной программе [2]):

> «*Великая волшебная формула: «экспроприация экспроприаторов» ныне больше уже не удовлетворяет.* Я говорил некогда, еще будучи молодым студентом в Берлине, о социализации, и один нахальный сын фабриканта встал и сказал:—Ну хорошо, я хочу разрешить социализировать мое предприятие; не можете ли вы сообщить мне адрес и телефонный номер вашего «Общества»? Я должен был молчать, но я надеюсь, что еще ко времени моей старости, я буду иметь возможность дать ответ, который я остался должен в период моей юности, на вопрос, где помещаются общественные инстанции, перенимающие частнокапиталистические предприятия».

Профессор оптимистичней своих коллег по партии: необходимо лишь всего несколько десятков лет для того, чтобы капиталисты «поумнели» и становились в затылок длинной вереницей перед «общественными инстанциями, перенимающими частные предприятия» и переводящими их в общественную собственность.

Не перспектива «экспроприации экспроприаторов», а эволюционная «социализация», не исключающая и «мирной», добровольной передачи капиталистами своих предприятий в общественную собственность—такова *первая* стадия социал-демократического ревизионизма в данной области.

Возможность добровольного отказа капиталистов от собственности на средства производства увязана в социал-демократической перспективе социализации с выкупом. По сути дела, вместо «экспроприации экспроприаторов» социал-демократы говорят лишь о *покупке* у капиталистов их средств производства государством.

Каутский, например, раз'ясняет в комментариях к Гейдельбергской программе, что о конфискации предприятий при социализации говорить не приходится, что в целях сохранения непрерывности производственного процесса обобществляемые средства производства должны быть оплачены, что конфискация мыслима только как средство наказания в тех случаях, когда отдельные капиталисты будут противиться «демократии» [1]).

Мы оставляем здесь в стороне оппортунистическую утопичность этого выкупного плана. Выкупить средства производства, стоящие десятки миллиардов,—это значит, во-первых, оставить за капиталистами—в виде оплаты—их средства угнетения, оставить, в основном, *прежние условия* экономического господства капиталистов; во-вторых, это будет означать усиленнейшую эксплоатацию пролетариата и трудящихся масс вообще, за счет которых государство стало бы выплачивать капиталистам стоимость их средств производства. Мы оставляем здесь в стороне финансово-экономическую невозможность выполнения подобного плана, как и доводы о том, что эксплоатируемые массы не потерпят подобной, ни на одну иоту не перестающей быть капиталистической, реформы. Не будем критиковать специально плана «социализации», ибо на его место уже властно вступил план «хозяйственной демократии». Провал «социализаторских» проектов делает весь план социализации неосуществимым и в глазах самих социал-де-

---

[1]) Karl Zwing. «Soziologie der Gewerkschaftsbewegung», I Teil. Gewerkschaften und Wirtschaft, Jena, 1925.

[2]) См. «Sozialdemokratischer Parteitag 1925 in Heidelberg». Protokoll. Verlag Dietz Nachfolger, Berlin, 1925, стр. 290.

[1]) См. «Das Heidelberger Programm», Grundsätze und Forderungen der Sozialdemokratie. Verlag Dietz Nachfolger, 1925, стр. 21.

мократов. Но если в толщах пролетариата разочарование в реформистском «социализме» все более будит классовое революционное самосознание и, отталкивая массы от оппортунистической каутскианской перспективы «социализации», влечет их к революционным марксовым перспективам «экспроприации экспроприаторов», то среди вождей линяние «социализаторской» идеологии вызывает тягу к еще более «скромным», еще более ублюдочным, еще более оппортунистическим позициям.

«Хозяйственная демократия»—вот путь, по которому можно итти без потрясений, без кровавой борьбы, без «экспроприации экспроприаторов».

Пусть у капиталистов остаются их средства производства, но рабочие организации могут и должны добиться некоторого контроля над производством, чтобы через длительную эпоху «мелких дел» провести в жизнь «хозяйственное равноправие», одинаковое право буржуазии и пролетариата на управление производством.

В предыдущей статье мы познакомили читателя с попыткой одного с.-д. профессора, Карла Гермберга, добросовестно проанализировать возможные пути «хозяйственной демократии»; мы были свидетелями того, что даже социал-демократ, если он сохраняет в себе элементарную теоретическую добросовестность (что случается только в порядке исключений и только на минутку) вынужден притти в выводу, что о какой-либо реальной «хозяйственной демократии» без захвата средств производства в руки пролетариата и думать нечего. За подобный «уклон» опростоволосившийся профессор нещадно критиковался многими своими сопартийцами.

Один из них, профсоюзный теоретик, Карл Менникке, прямо окрестил г-на Гермберга большевиком [1]).

В социал-демократической партии установилась теперь такая идейная атмосфера, в которой даже *разговоры* об обобществлении средств производства являются признаком большевизма.

Со ступеньки на ступеньку ниже [2]), к буржуазии.

Раньше отказ от «экспроприации экспроприаторов» и противопоставление этому программному лозунгу Маркса эволюционной «социализации»; затем «социализация» сохраняется лишь как лозунг для праздников, а для повседневного обихода изготовляется теория «хозяйственной демократии», по пути которой, оказывается, можно двигаться к «социализму» и без «социализации». «Хозяйственная демократия» шаг за шагом должна привести к осуществлению паритетного принципа в капиталистически-рабочем руководстве производством.

Но все это победоносное развитие «хозяйственной демократии», долженствующее привести к формальному равноправию капиталистов и рабочих в управлении производством, должно протекать в условиях, когда *средства производства принадлежат капиталистам*.

В с.-д. перспективе «хозяйственной демократии» нет места экспроприации экспроприаторов; в этой перспективе «вымыта» и пресловутая «социализация». Идеологи хозяйственной демократии исходят из того теоретического положения, что одного формального права «соучастия» в руководстве производством достаточно для уничтожения отношений эксплоатации.

[1]) «Gewerkschaften und Betriebsräte» von Karl Mennicke, «Die Arbeit». 1926 № 7.

[2]) С точки зрения гг. с.-д-ов это означает «выше».

«Предусмотрительный» Карл Цвинг, широкими мазками набросавший картину «хозяйственно-демократической» гармонии, пуще всего боится, чтобы рабочие на пути «хозяйственной демократии», хотя бы и через сотню-другую лет, не послали капиталистов к чорту и не овладели средствами производства; это, дескать, может «создать» (!?) неравенство.

> «Очень часто,—наставительно раз'ясняет он,—демократию приравнивают к принципу майоритета, в то время как суть хозяйственной демократии заключается в выравнивании неравенства, но отнюдь не в создании посредством майоритета нового неравенства».

Хотя и кудряво сказано, но подло. Если капиталисты владеют средствами производства и рабочие в условиях капиталистической монопольной собственности тщетно добиваются «хозяйственной демократии»—то это допустимое «выравнивание неравенства»; если же у капиталистов отнимают созданные трудом рабочих средства производства—то это «создает новое неравенство».

Так и запомним. Запомним, что своей теорией «*хозяйственной демократии*» социал-демократы в новой форме и в новой области хотят повторить тот *обман*, которому они подвергли и подвергают рабочих своей теорией *политической демократии*.

Существо «хозяйственно-демократической» идеологии состоит именно в этом перенесении принципа формальной буржуазной демократии из политики также в область хозяйства [1]), а ее политический смысл заключается в умножении иллюзий о мирном, покоящемся на реформистском приспособлении к капитализму, развитии социализма. Порочность теории формального политического равноправия, как сие уже было установлено Лениным, определяется тем, что ее представители скрывают от пролетариата действительное неравноправие. Поскольку буржуазия господствует в обществе экономически, постольку демократия является буржуазной демократией, поскольку «всеобщее, прямое, равное и тайное» является не средством и выражением действительного политического равноправия, а только «цивилизованным» методом господства капитала.

Только разбивши государственный аппарат буржуазии и организовав пролетарскую диктатуру, рабочие массы могут осуществить действительную демократию для трудящихся и обеспечить тем самым движение к социализму.

Но предпосылкой этого переворота является освобождение пролетариата от иллюзий формального *политического* равноправия, которые дополняются ныне иллюзиями *хозяйственного* формального равноправия.

Средства производства остаются—согласно теории хозяйственной демократии—у капиталистов. Тем самым за капиталистами оставляется фактическое распоряжение производственным процессом, тем самым производство сохраняет капиталистиче-

[1]) Что, напр., прямо так и формулирует один из с.-д. идеологов профдвижения Leipart (см. его статью «Gewerkschaften und Volk», «Die Arbeit», 1926 г. Heft I).

скую цель, тем самым обусловлен и буржуазный способ распределения.

Формальное уравнение в правах на руководство производством, составляющее цель «хозяйственной демократии», само по себе, даже если бы оно осуществилось (а осуществиться оно не может), ни в коем случае не изменило бы фактических отношений эксплоатации; оно придало бы капитализму лишь более «цивилизованную» форму.

Социал-демократические апологеты капитализма не хотят и не могут этого понять.

Но формальное хозяйственное равноправие является *конечной целью* «хозяйственной демократии»: ее исходным пунктом является действительное положение вещей, для которого характерно полное и безраздельное господство капиталистов в производстве даже с *формальной* точки зрения.

Только безнадежные оппортунистические кретины могут утверждать, что имеющаяся теперь система «трудовых договоров» и вся «законная» деятельность профессиональных союзов уже «ограничивает» капитализм и свидетельствует об эволюционном преобразовании системы производственных отношений в социалистическом направлении [1]).

Обыкновенно же даже умеренные социал-демократы склонны признать, что в *настоящее* время во всех буржуазных странах капиталисты безраздельно господствуют над производством и поворачиваются спиной к профсоюзам, выступающим с предложениями о *совместном руководстве* производством [2]).

Но это не смущает социал-демократов: они надеются, что наступят другие времена и капиталисты пойдут им навстречу. Необходимо только провести расширение прав профсоюзов в производстве, преобразовать *законодательство* таким образом, чтобы профсоюзы шаг за шагом получили права сорегулирования производства и тем приблизились к «хозяйственному равноправию». «Хозяйственная демократия» натыкается в производстве на нежелание капиталистов «работать совместно». Только государство может помочь профсоюзам, носителям и осуществителям «хозяйственной демократии», выйти из тупика. Государство должно им обеспечить *законодательные предпосылки* соучастия в руководстве производством. Поэтому должно быть усилено соответствующее «давление» на государство. Так плетется мысль социал-демократии.

«Но *социальная демократия* будет осуществлена только посредством успешной политической борьбы, ибо она может выполнить свои функции *только на законной основе*» [3]).

Законодательство, таким образом, призвано спасти «хозяйственную демократию» в производстве, обеспечить правовые предпосылки успешного развития «хозяйственной демократии».

Но *какое* государство должно выступить «спасителем» хозяйственной демократии?

---

[1]) Впрочем, таких кретинов не мало: на подобной точке зрения стоят не только такие идеологи профессионального «делячества», как Эрдманн, Лотар и др., но даже левый «австро-марксист» Карл Реннер.

[2]) См. об этом в уже неоднократно указанной книге Карла Цвинга.

[3]) «Gewerkschaften und Wissenschaft» von Richard Seidel «Die Gesellschaft», 1925, № 3.

Настоящее государство во всех капиталистических странах есть буржуазное государство, которое в своей законодательной работе не может выступить против интересов капитала.

Даже отмеченный выше социал-демократический профсоюзный теоретик Рихард Зейдель вынужден признать буржуазный характер «демократического» государства в Германии.

«Я не оспариваю того,—пишет он [1]),—что это государство является классовым государством; почему оно является таковым, в данной связи не требуется раз'яснять. Я точно так же твердо убежден, что изменения, происшедшие в государстве и его законодательстве с 1918 года не дают никаких оснований для нашего отказа от изменения современного социального порядка».

Автор уклоняется от об'яснения причин подобного состояния государства; он уклоняется от ответа на вопрос, *почему* республиканское государство с 1918 года не внесло никаких существенных изменений в «современном социальном порядке», хотя на вершине этого государства находились иногда и социал-демократы. Факт поучительный; на таких фактах должно учить современное рабочее поколение, помогая ему об'яснить и честно продумать эти факты и таким образом обогатить опыт пролетариата в классовой борьбе.

Но как раз на этот *решающий* вопрос Зейдель не дает ответа; он самым нечестным образом умалчивает об этом *критическом* пункте. Зато он имеет готовый ответ относительно *дальнейшей* политической линии.

Законодательство призвано «спасти» «хозяйственную демократию». Но государство является буржуазным государством, а логические доводы и исторический опыт неопровержимо доказывают, что буржуазное государство всегда ведет только буржуазную политику.

Но этим Зейделя не смутишь. Проблема, оказывается, решается очень легко. Демократическое государство должно быть «спасено» от господства буржуазии «*хозяйственной* демократией», являющейся, по Зейделю, важнейшим видом *функциональной* [2]) или *социальной* демократии.

«Итак,—заключает Зейдель [3]),—функциональная, или, как мы ее называем, *социальная демократия является средством усиления влияния пролетариата на органы политической демократии, средством поднять политическую мощь пролетариата*».

Теперь мы видим социал-демократического барона Мюнхгаузена во всей его красе: он вытягивает себя из грязины за свою собственную косу.

«Хозяйственная демократия» «спасается» от экономического господства капиталистов с помощью демократического *государства*.

Последнее, наоборот, «спасается» от господства буржуазии с помощью «хозяйственной демократии».

---

[1]) «Staatsverneinung—Staatsbejahung» von Richard Seidel, «Die Arbeit», 1926, Heft 10.

[2]) Этот туманный термин выдуман Отто Бауэром.

[3]) «Staatsverneinung—Staatsbejahung» von Richard Seidel, «Die Arbeit», 1926, Heft 10.

Но где же тот рычаг, нажим на который может привести в движение стоячую воду болота? Чем же может быть *радикально* изменено положение? Автор отсылает от Понтия к Пилату. Он не может дать никакого ответа, потому что в его концепции «социализма» нехватает «мелочи»: *марксистской теории революции*.

Вследствие этого органического недостатка автор не может перешагнуть за грани своего теоретического «порочного круга».

* * *

Присмотримся, однако, к проблеме «давления» пролетариата на государство поближе.

Социал-демократы, как известно, видят в политической, формальной демократии *непосредственный* путь к социализму. Они всемерно оспаривают тот факт, что формальная политическая демократия является *буржуазным* принципом.

Гильфердинг утверждал, напр., на Гейдельбергском с езде социал-демократии в 1925 г., в своем докладе о программе партии, что буржуазия, в противоположность пролетариату, стояла и стоит *только* за конституционно-монархический принцип государства, что *формально-демократический* принцип ей *принципиально* чужд [1]).

К. Каутский с «тяжелым остроумием» выступает против тех, что трактуют формально-политическую демократию, как буржуазный принцип.

> «Существуют люди,—пишет Карл Каутский [2]),—которые из того обстоятельства, что новейшая демократия возникла и укрепилась одновременно с индустриальным капитализмом, выводят заключение, что демократия является открытием и орудием власти капитала. Но с таким же правом можно сказать, что классовая борьба является открытием и орудием власти капитала, ибо она возникла и укрепилась одновременно с капиталом».

Каутский, таким образом, против того, что «демократию» следует рассматривать как «капиталистическое открытие и средство власти капитала».

Может быть, Каутский хочет этим сказать, что политическая демократия в такой стране, напр., как Франция, является уже со времени Великой французской революции *антибуржуазной*? Может быть, он рискнет оспорить тот несомненный факт, что политическая демократия обоснована идеологически политическими мыслителями (вспомним, хотя бы, энциклопедистов)?

Каутский утверждает прямо, что буржуазия вообще против принципов политической демократии.

> «Правильно только то, что в *демократии* заинтересован *не один пролетариат, но все трудящиеся* классы населения; заинтересованы также ремесленники и крестьяне, которые могут осуществить свое влияние на государство *своей массой*, а не благодаря значительности своих владений или государственно-поддерживаемым привилегиям» [3]).

[1]) См. «Sozialdemokratischer Parteitag 1925 in Heigelberg», Protokoll, Verlag Dietz Nachfolger, стр. 275.

[2]) «Das Heidelberger Programm», Grundsätze und Forderungen der Sozialdemokratie», стр. 15.

[3]) Там же.

Формальная политическая демократия рассматривается Каутским как существеннейший *антибуржуазный* политический принцип, находящий свое осуществление в демократической республике («совершеннейшей формой демократии является форма демократической республики»).

Но как же тогда Каутский об'яснит тот факт, что демократическая республика представляет форму *буржуазного* господства в различных странах, в том числе и в Германии? Как об'яснить, напр., тот факт, что в германской республике во главе государства стоит *буржуазный* блок, чего *не может* отрицать и социал-демократия?

Как об'яснить тот факт, что буржуазия вполне удовлетворена республиканским строем и осуществляет свое политическое господство в рамках этого строя?

В качестве корректива Каутский высказывает допущение, что в отдельных случаях буржуазная республика может быть формой господства буржуазии.

> «Она (республика. *А. С.*) при *особых обстоятельствах* также может быть поставлена на службу целям крупных эксплоататоров» [1]).

Особенно замечательны в этой формуле слова «при особых обстоятельствах».

Вообще, видите ли, демократическая республика—форма политического господства пролетариата и широких непролетарских масс трудящихся; и только *«при особых обстоятельствах»*, *в порядке исключения*, она используется буржуазией в классовых целях.

Однако, подобное утверждение обязывает Каутского к ревизии всего марксистского исторического мировоззрения. Каутский обязан тогда доказать, что в буржуазных республиканских странах, в которых республика насчитывает за собой многие десятилетия (напр., Франция и Америка) до сих пор *стоял и стоит* у власти пролетариат, а не буржуазия.

А так как подобной глупости не может утверждать ни один нормальный человек, то «особые обстоятельства» Каутскому придется расшифровать, как всю эпоху господства капитализма до наших дней.

Каутскому не удастся доказать даже того, что, если-де *вообще* демократическая республика является формой господства буржуазии,—то «при определенных условиях» она может стать формой господства пролетариата. При этом Каутский мог бы иметь в виду как «исключения» такие исторические моменты, когда социал-реформисты имели в буржуазных странах правительственное большинство (Англия, Австрия, Германия).

Но и на этом пути Каутский не может иметь успехов, ибо он не может доказать, что социал-демократические правительства вели принципиально-*антикапиталистическую* политику, что они потревожили хотя бы одну из основ капиталистической общественной системы [2]). А если Каутский не сможет дока-

[1]) Там же.

[2]) Весьма любопытно, что Гильфердинг, восхвалявший в своих статьях английское «рабочее» правительство Макдональда, с удовольствием отмечает «иронию истории», которая проявилась в том, что именно *«рабочее»* правительство укрепило *финансовую* систему английского *капитализма и усилило зависимость колоний от Британской империи*. См. об этом «Realistischer Pazifismus» von Rudolf Hilferding. «Die Gesellschaft», 1924, Zweiter Band.

зать этого, тогда становится совершенно ясным, что социал-демократические и подобные ему «рабочие» правительства представляли собою всего лишь разновидность *буржуазно-республиканской* государственной власти.

С точки зрения социал-демократии, основная политическая задача текущего периода заключается в том, чтобы, «поднимая» политическую активность пролетариата, наполнять постепенно демократически-республиканскую форму государства социалистическим содержанием.

Эта задача не представляется социал-демократам особенно трудной. Так, напр., Зёйдель, согласившийся с тем, что теперешняя германская республика является формой классового буржуазного государства, утверждает одновременно, что эволюционное преобразование классового содержания государства *уже происходит*, что государственная ткань *уже испытывает* перерождение в социалистическом направлении [1]).

Свое суждение о буржуазно-классовом характере германского республиканского государства он смягчает утверждением, что «давление» пролетариата и грудящихся на государство заставляет последнее терять его классово-буржуазный характер.

Он стремится убедить рабочих в том, что Гинденбург, Маркс и Штреземан, сами того не замечая, все больше и больше становятся социалистами. Организации рабочего класса понуждают государство своими давлениями итти на все бо́льшие уступки и предоставлять пролетариату все бо́льшие права.

Отсюда следует у с.-д. очень многое.

> «Если же государство делает такие уступки, то это означает, что оно изменяется не только по своему образу, но уже и по своему *социальному содержанию*.
>
> И эти изменения в государственной конституции и прогресс в законодательстве являются для класса, который добился их в своих интересах, в данном случае для рабочего класса,—средством содействия дальнейшим изменениям в *социальном содержании государства*» [1]).

Автор полагает, таким образом, что те законодательные акты, которые предпринимаются буржуазным государством под воздействием руководимых социал-демократами рабочих организаций (например, статья 165 конституции о хозяйственном «равноправии классов»), доказывают преобразование *существа* этого государства в социалистическом направлении.

Социализм Карла Маркса «опрокидывается», и на его место воздвигается «социализм» Гинденбурга!

Как будто законодательные реформы противоречат развитию капитализма!

Только мещанский ум может усмотреть в рабочем законодательстве эволюцию капитализма в социалистическом направлении.

В истории не дано еще ни одного случая, чтобы *капиталистическое* государство приняло закон *социалистического* характера—и такого случая не может быть никогда. Волк всегда остается волком. Но нельзя, исходя из этого, утверждать, что законодательство в буржуазном государстве уже не имеет перспектив дальнейшего развития на принципиально-капиталистической основе. Так, напр., во время мировой империалистической войны буржуазному государству оказалось выгодным привлечь профсоюзы, руководимые оппортунистами, к частичному регулированию производства, обслуживающего армию и войну вообще. В этом направлении наметились и некоторые *элементы* нового законодательства.

На этом основании такой идеолог оппортунизма, как Гильфердинг, заключил, что рабочий класс очень сильно увеличил во время войны свое влияние на буржуазное государство.

> «Происшествие величайшего социально-психологического значения и действия! — декламирует Гильфердинг [2]). — Организации производителей чувствуют себя подлинными носителями государства, особенно ее бюрократия, чувствующая себя неразрывным органом государства, равнозначной государственной бюрократии—даже более важной, чем последняя, ибо без ее помощи неразрешимы производственные проблемы!».

Гильфердинг хочет изобразить успехом рабочего класса превращение рабочих организаций в придаток к империалистическому государству; он пытается об'явить успехом социализма то, что на деле являлось решающим успехом *империализма*.

Империалистическое государство еще имеет возможности *развития* своего законодательства. Теоретически, напр., вполне мыслимо, что это законодательство будет двигаться в направлении государственного капитализма.

Но даже в этом *предельном случае* капиталистическое государство не изменяет своим классовым принципам.

Современный *оппортунизм* характерен тем, что он пытается привить рабочим массам представления некоторых старых уто-

---

[1]) В оценке социальной сущности *теперешнего* республиканского государства в германской социал-демократии существуют различные оттенки.

Так, напр., Шейдеман выражал на Гейдельбергском с'езде (1925) «деликатное» неудовольствие по поводу того, что отношение к *современному* (т.-е. явно-буржуазному) государству не выражено в с.-д. программе в *категорически-положительной* форме.

«Быть может,— заявил он,— *следовало бы выразить* неразрывную связь демократического и социалистического мышлений и *положительную установку партии в отношении государства еще яснее*».

С другой стороны, среди «левых» элементов социал-демократии складывается *отрицательное* отношение к современному буржуазно-республиканскому государству. Вот что, напр., заявляет в своей резолюции «о задачах с.-д. в республике» партейтаг в Цвикау: «Буржуазия вскоре после своей победы над феодализмом познала, что республика, созданная как революционная форма борьбы, образует наиболее приспособленную для развития капитализма почву... Таким образом под прикрытием республиканской формы развились ныне экономическое угнетение, эксплоатация и коррупция» и т. д. и т. п. («Vorwärts» 1927, № 192).

Однако, подобное различие оценок не приводит *пока* к существенному различию *политическо-практических* оценок. «Левые» из Цвикау не прочь даже признать, что в отношении контрреволюционной буржуазии принципиально допустимо применение методов «диктатуры», но все сие для того, чтобы, оставаясь в основном на почве буржуазной демократии, добиться правительства с с.-д. большинством.

[1]) «Staatsverneinung—Staatsbejahung» von Richard Seidel, «Die Arbeit» 1926, Heft 10.

[2]) «Problem der Zeit» von R. Hilferding, 1924, Erster Band.

пистов о «добрых капиталистах», что он стоит на точке зрения *возможности осуществления социализма классом капиталистов.*

С точки зрения революционного марксизма это означает откровеннейшую и гнуснейшую измену пролетариату, означает открытый переход на сторону капиталистов.

Идеологи социал-демократии, ее большие и малые теоретики, культивируют в рабочем классе идеологию *приказчиков капитализма*, которые сотрудничают с господствующей буржуазией в деле укрепления капитализма, помогая последнему «приспособиться» к новым условиям.

Но социал-демократов не удовлетворяют функции *политических* приказчиков. Вступая на путь «хозяйственной демократии», они об'ективно стремятся воспитать *экономических приказчиков* капитализма. Само собой разумеется, политика от экономики не отделена китайской стеной. Но в своей оппортунистической деятельности социал-демократы достигают теперь высшей ступени более *дифференцированного* предательства. Политические приказчики в оппортунистической системе разделения труда дополняются экономическими приказчиками капитализма.

Идеологи «хозяйственной демократии» сами осознают социальный смысл своей стратегии.

> «Если,—пишет Гильфердинг [1]),—развитие идет все более и более в направлении образования массовых организаций и индустриальных *об'единений*, то борьба за хозяйственную демократию ведет к новым различиям внутри масс, к под'ему личности внутри организации и тем самым к *новому духу соревнования за социальный под'ем*».

Существо плана «хозяйственной демократии» расшифровывается, таким образом, как создание условий для *конкурса на лучшего капиталистического приказчика.*

В этом выражаются духовное крохоборчество и мелкобуржуазная ограниченность идеологов оппортунизма, но одновременно проявляется и хитрость прожженных и опытных реформистских дельцов. Потому, что этот план означает курс на рабочую аристократию и на тех рабочих, которые надеются и склонны ценою предательства общеклассовых интересов выбиться в ряды рабочей аристократии, добиться успехов в «соревновании за социальный под'ем» и в качестве приказчиков капитализма снискать «милость» хозяина.

Но этот план неминуемо будет провален обострением классовых противоречий, прояснением классового самосознания пролетариата, успехами революционного коммунистического движения. Пролетариат разоблачит и отбросит идеологию социал-демократических приказчиков капитализма.

---

[1]) Там же.

П. Александров, К. Розенталь, И. Хавин.

Замечания к материалам по пятилетнему перспективному плану народного хозяйства СССР [1]).

Переход от использования наличных материально-технических ресурсов страны к новому строительству, переход от восстановительного периода к периоду реконструктивному, поставил перед нашими плановыми органами новые задачи, выдвинул и пред'явил новые требования. «Контрольные цифры, оперативные годовые хозпланы и кон'юнктурные учеты становятся недостаточными; над заботами текущего момента все более и более доминируют многолетние перспективы».

Эта необходимость перехода от годовых планов к планам, рассчитанным на более продолжительный срок, не только вполне правомерна, но и экономически необходима, когда мы приступаем к фундаментальнейшим капитальным вложениям в наше народное хозяйство, когда мы приступаем к крупнейшим строительствам, рассчитанным на многие годы и долженствующим оказать глубокие изменения в народнохозяйственной жизни не только тех или иных районов, но и всего Союза в целом. Но вложения многих миллиардов рублей в основные фонды нашего хозяйства при тех ограниченных ресурсах, которыми мы располагаем, требуют особо внимательного, особо вдумчивого отношения ко всем предпринимаемым нами капитальным работам. И совершенно очевидно, конечно, что максимально эффективный план предполагаемого нами строительства, или, максимально эффективный план распределения производительных сил, обеспечивающий «бескризисное расширенное воспроизводство этих производительных сил возможно быстрым темпом, в целях максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся и скорейшего приближения их к полному переустройству общества на началах социализма и коммунизма», возможен только на основе всестороннего учета всех отраслей народного хозяйства, увязанных в своем предполагаемом пятилетнем развитии в единый перспективный план всего народного хозяйства в целом.

С другой стороны, наличие перспективных пятилетних планов дает бо́льшую обоснованность, бо́льшую устойчивость годовым оперативным планам, являющимся отрезками более длительных планов развертывания нашего хозяйства.

Таково экономическое «оправдание» предпринятой работы по составлению *материалов к пятилетнему плану* развития народного хозяйства СССР и такова та насущная потребность, кото-

---

[1]) В порядке обсуждения. Настоящей статьей редакция открывает обсуждение вопросов, связанных с перспективными планами нашего народного хозяйства. *Ред.*